

МИЛЛЕР Е. Н.

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ЯЗЫКА

Лингвистика выработала много определений естественного языка. Однако ни одно из них не получило общего признания. Задача автора настоящей статьи — высказать и обосновать некоторые суждения по этой проблеме.

Уже в учении Платона четко выражен результат длительной систематизации знаний о языке (речи): «Поток... звуков, идущий из души через уста, назван речью» [1]. Обобщенное суждение о слове находим у Аристотеля: «Слова, выраженные звуками, суть символы представлений в душе, а письмена — символы слов» [2]. В сочинениях античных ученых ставятся вопросы происхождения языка, в частности, говорится о стихийном характере его возникновения: «В древнее время... под воздействием ежедневного навыка (производить дыханием различные голоса. — М. Е.) люди установили слова, как ие пришлось, и затем, обозначая часто употребляемые вещи, начали, как это получилось самопроизвольно (разрядка наша. — М. Е.), говорить, и так создали между собой речь» [3]. Некоторые современные представления явно восходят к тем, которые были сформулированы еще во втором веке до нашей эры: «Речь есть соединение слов, выражающих законченную мысль» [4].

Почти два с половиной века назад М. В. Ломоносов писал: «Блаженство рода человеческого коль много от слова зависит, всяк довольно усмотреть может. Собраться рассеянными народами в общежития, созидать грады, строить храмы и корабли... и другие нужные, союзных дел сил требующие дела производить как бы возможно было, если бы они способа не имели сообщать свои мысли друг другу» [5, с. 91]. Здесь не только отмечается огромная роль языка в жизни людей, но и определяется функция передачи мыслей в процессе совместной деятельности. Еще более колоритно и веско функция общения выражена в другом высказывании: «Слово дано для того человеку, чтобы свои понятия сообщать другому. И так понимает он на свете и сообщает другому идеи вещей и их деяний» [5, с. 406].

Детализированное определение языка находим в работе В. фон Гумбольдта: «...Язык есть нечто постоянное и вместе с тем в каждый данный момент преходящее... Язык есть не продукт деятельности (Ergon), а деятельность (Energeia)... Язык представляет собой постоянно возобновляющуюся работу духа, направленную на то, чтобы сделать артикулируемый звук пригодным для выражения мысли... В подлинном и действительном смысле под языком можно понимать только всю совокупность актов речевой деятельности... Каждый язык заключается в акте его реального порождения» [6]. В. Даль писал: «Но с языком, с человеческим словом, с речью, безнаказанно шутить нельзя; словесная речь человека, это видимая осязаемая связь, союзное звено между телом и духом: без слов нет сознательной мысли...» [7]. В этих высказываниях ученых, разных по времени жиз-

ни, мировоззрению, прослеживаются тождественные тенденции: стремление кратко сформулировать определение языка и указать на основную его функцию.

И далее вновь обнаруживаем настойчивые попытки дать общее определение языка в сжатой форме: «Язык состоит из слов, находящихся в различных отношениях между собой. Словами являются звуки речи, имеющие значения, т. е. звуки речи, как знаки познаваемых вещей, познаваемых фактов» [8]. Особенно обращается внимание на субстанцию языка и отношения языковых единиц, на семантику звуков речи, на знаковую функцию языка, связь языковых знаков с предметами, познаваемость вещей, фактов. Интересно определение языка, данное И. А. Бодуэном де Куртене: «Язык есть комплекс членораздельных и знаменательных звуков и созвучий, соединенных в одно целое чутьем известного народа [как комплекса (собрания) чувствующих и бессознательно обобщающих единиц] и подходящих под ту же категорию, под то же видовое понятие на основании общего им всем языка» [9].

Перечисленные определения так или иначе раскрывают наиболее общие и наиболее существенные свойства языка, которые подлежат всестороннему и глубокому исследованию. В то же время неодинаковые основания, на которые опираются разные авторы, свидетельствуют о том, что трудности адекватного определения языка возникают из-за его разноплановости. На эту особенность языка весьма рельефно указал Ф. де Соссюр [10, с. 46—47], по мнению которого *«надо с самого начала встать на почву языка и считать его основанием (погме) для всех прочих проявлений речевой деятельности»* [10, с. 47]. Тем не менее это не позволило ему сформулировать краткое определение языка, и он перечисляет характеристики разных его сторон: язык и «нечто вполне определенное в разнородном множестве фактов речевой деятельности», и «отличный от речи, составляет предмет, доступный самостоятельному изучению», и «система знаков, в которой единственно существенным является соединение смысла и акустического образа», и «ассоциации, скрепленные коллективным согласием и в своей совокупности составляющие язык, суть реальности, локализующиеся в мозгу», и «сокровищница акустических образов» [10, с. 52—53]. В совокупности этих характеристик язык получил в интерпретации Соссюра разностороннее определение, которое было для того времени, как представляется, одним из наиболее адекватных объекту исследования.

Над определением языка продолжается упорная работа и в настоящее время. В. М. Солнцев, посвятивший фактически целую монографию определению языка, отмечает: «Определение языка имеет существенное значение для построения теории языка. В нем фиксируется то или иное онтологическое представление о языке, которое во многом определяет понимание объекта или предмета науки и методы изучения этого объекта» [11, с. 11]. По мнению автора, «язык как исключительно сложное образование может быть определен с разных точек зрения в зависимости от того, какая сторона или стороны языка выделяются. Определения возможны: а) с точки зрения функции языка (или функций языка): язык — средство общения людей и как таковое есть средство формирования, выражения и сообщения мысли; б) с точки зрения устройства (механизма) языка: язык есть набор некоторых *единиц* и правил использования этих единиц, т. е. комбинирования единиц; эти единицы „делаются“ говорящими в данный момент; в) с точки зрения существования языка: язык есть результат социального, коллективного навыка „делания“ единиц из звуковой материи

путем сопряжения некоторых звуков с некоторым смыслом... Поскольку в едином определении вряд ли возможно дать достаточно полную характеристику языка, мы считаем целесообразным опираться на максимально общее определение, конкретизируя его по мере надобности теми или иными специальными характеристиками» [11, с. 11—12]. Эти характеристики проходят через всю книгу автора, например: «Язык — это совокупность правил, по которым делаются предложения, и множество наделенных смыслом, или значением, единиц, которые используются в соответствии с правилами. Язык есть система, но это система иного рода и иного порядка, чем те системы, которые в речи делаются из элементов языка. Система языка — это своего рода „кладовая“, где сложены (не в прямом смысле, конечно) правила и элементы (или единицы)» [11, с. 66]. Каждая из таких характеристик конкретизирует какую-либо одну сторону языка, но совокупность их может представить адекватную картину языкового феномена; в то же время такое описание разных сторон языка есть процесс познания его сущности.

Приведенные нами определения были выработаны разными учеными за длительный период истории и дают в совокупности наиболее существенные характеристики языка, которые наука о языке оказалась в состоянии обнаружить за пройденный этап ее развития. Поэтому задача в настоящее время состоит в первую очередь в том, чтобы из всего этого ценнейшего теоретического багажа отобрать те компоненты, которые представляют собой наиболее объективное толкование основных категорий языка («вещей», свойств и отношений) и совокупно позволяют выработать определение, адекватное объекту науки. Разумеется, сказанное отнюдь не исключает возможности обнаруживать новые стороны языка или видеть какую-либо сторону языка под новым углом зрения.

Основой наших суждений об объекте лингвистики являются высказывания К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина о языке: «На „духе“ с самого начала лежит проклятие — быть „отягощенным“ материей, которая выступает здесь в виде движущихся слоев воздуха, звуков — словом, в виде языка. Язык так же древен, как и сознание; язык *есть* практическое, существующее и для других людей и лишь тем самым существующее также и для меня самого, действительное сознание, и, подобно сознанию, язык возникает лишь из потребности, из настоятельной необходимости общения с другими людьми» [12, с. 29]; «Язык есть непосредственная действительность мысли» [12, с. 448]; «Язык есть важнейшее средство человеческого общения» [13]; «Всякое слово (речь) уже *обобщает*» [14, с. 246].

Мы понимаем эти высказывания следующим образом: язык — это звуковая речь («выступает здесь в виде движущихся слоев воздуха, звуков»); язык представляет собой форму материально-идеальной репрезентации сознания («язык есть практическое... действительное сознание»); язык возникает в силу общественной необходимости («язык возникает лишь из потребности... общения с другими людьми»); язык и сознание исторически и социально взаимосвязаны («язык так же древен, как и сознание»), и подобно сознанию («сознание [das Bewußtsein] никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием [das bewußte Sein], а бытие людей есть реальный процесс их жизни» [12, с. 25]) язык является отражательной категорией; «важнейшее средство человеческого общения» — главное конститутивное качество языка; речи свойственно выражение обобщенного знания, т. е. глубокого отражения действительности, проникновения в ее сущность [14, с. 252].

Рассмотрим эти положения, так или иначе связанные с темой опреде-

ления языка. Со времени появления «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра в языкознании утвердилось разделение объекта исследования на язык и речь, хотя «противопоставление языка и речи является одной из самых спорных проблем соссюровского наследия» [15]. В русле признания корреляции «язык — речь» одни и те же «рече-языковые» единицы описываются и на уровне языка, и на уровне речи (например, предложение [16], слово [17]).

Большинство лингвистов рассматривает корреляцию «язык — речь» как противопоставление разных явлений. Ср.: «В каких бы формах мы ни представляли двойственность объекта лингвистики, совершенно очевидно, что мы имеем дело с д в у м я р а з н ы м и я в л е н и я м и — как бы они ни были связаны и в каких бы отношениях они ни находились» [18].

К иному выводу приходит Т. П. Ломтев: «...Язык и речь — не разные явления, а разные стороны одного явления. Все лингвистические единицы являются единицами языка и речи: одной стороной они обращены к языку, другой — к речи» [19, с. 60]. В этом высказывании, как мы понимаем, наличие корреляции «язык — речь» не оспаривается, но автор полагает, что речь и язык сосуществуют в о д н о м я в л е н и и и, следовательно, все «рече-языковые» единицы есть единицы и речи, и языка.

Возникает, однако, вопрос: где локализуется «искомое» явление — «речь-язык»? Для ответа на него вспомним о материи, которая «выступает здесь в виде движущихся слоев воздуха, звуков — словом, в виде языка», т. е. — «духа» (идеального), «отягощенного» звуками (материальным) и потому находящегося вне мозга. Логично сделать допущение, что это единство идеального и материального и составляет объект лингвистики — «речь-язык», реально существующее (регулярно продуцируемое) явление, которое фактически и исследуется лингвистами всех времен и поколений (вопреки мнению, что исследуется язык, локализованный в головах людей). Иными словами, объективной реальностью являются речевые акты, т. е. «рече-языковая» действительность, которая фактически и используется людьми как важнейшее средство общения. Совокупность речевых актов (за исключением специфических особенностей речи тех или иных индивидуумов (см. [20]) следовало бы при указанном допущении считать языком: естественный язык нельзя обнаружить в качестве средства общения в каком-то определенном месте, в какой-то определенный момент как реально существующий объект — его особенность заключается в том, что он существует в совокупности непрерывно продуцируемых актов речи. Отсюда и сложность его описания и объяснения как в смысле охвата всей этой совокупности, представляющей неисчислимое количество единиц и фигур, так и в смысле установления границ между синхронией и диахронией. Но сложность создания адекватной науки о языке никоим образом не должна, на наш взгляд, влиять на результаты осмысления объективной реальности языка: язык и речь — это, в нашем понимании, р а з н ы е с о с т о я н и я о д н о г о и т о г о ж е я в л е н и я.

Но как в таком случае быть с «языком», который как принято считать, интериоризован в головах его носителей? Вот что, например, пишет В. З. Панфилов: «Языковая единица (типа слова) вне акта коммуникации или внутренней речи локализуется в мозгу как следы в памяти человека в нейронах и нейронных связях головного мозга, в которых кодируется ее идеальная сторона (образ в гносеологическом смысле) и ее материальная сторона (кинестезические раздражения от артикулирующих органов речи), а также слуховой образ звучащего слова» [21, с. 91]. Если это вы-

сказывание истинно, то возникает все-таки сомнение, что «следы» в памяти человека, содержащие «коды» идеальной стороны речи и слухового образа звучащего слова, есть язык — средство общения. Если мы обсуждаем один и тот же объект (т. е. язык как явление, которое в первую очередь призвано служить важнейшим средством человеческого общения), то «следы» в мозгу неправомерно считать т а к и м языком, ибо непосредственно при помощи этих «следов» общаться невозможно. По нашему мнению, «отпечатки» слов, а также «отпечатки» всех других единиц и фигур речи, локализующиеся в мозгу, пребывают там, по-видимому, в каком-то редуцированном, компрессированном виде и служат не средством общения, а базой для систематического (вос)производства речи. Соответственно их следует, видимо, рассматривать именно таковыми и не более: это не язык, а каким-то образом упорядоченное множество усвоенных мыслью редуцированных и компрессированных единиц и фигур речи.

Для экспликации нашего понимания определителей «редуцированный», «компрессированный» отметим, что единичные фигуры речи современных языков способны отображать чрезвычайно большое количество самых разнообразных экстралингвистических отношений. Например, кто-либо может купить книгу, построить дом, посадить дерево и т. д., но все эти сотни и тысячи самых разнообразных действий по отношению к тысячам и сотням тысяч всевозможных предметов могут быть выражены одним языковым способом — грамматическим отношением подлежащего со сказуемым к прямому дополнению: *Мальчик купил книгу, Бригада построила дом, Старик посадил дерево* и т. д. и т. п. [22, с. 261]. Соответственно в мозгу, возможно, интериоризован «след» типа «некто совершил нечто», причем этот «след» как бы извлекается из памяти, «заполняется» также «извлеченными» из памяти «следами» единиц речи и передается в «рекомпрессированном» виде партнеру по общению в звуковой «упаковке». Предвидим возражения: как же сохраняется связь языка с мышлением, если он существует вне сознания его носителей? Может ли язык в такой форме существования выполнять отражательную функцию? Конечно, язык, находясь вне мозга его носителей, «неуловим» во времени и пространстве. Такое его состояние весьма трудно представить и тем более признать объективной реальностью. Значительно проще (и удобнее, и привычнее) придерживаться тезиса, что язык компактно локализован именно в мозгу людей, хотя это представляется весьма произвольным. Ср.: «Формирование мысли — сложная психическая деятельность, за которой ученые еще не научились наблюдать» [23]. Мы полагаем, что «язык» в том виде, каким его принято считать, т. е. состоящим из слов, словосочетаний и предложений, вряд ли существует в мозгу: нет в головах людей слов, например, *стол, писать* со всеми их грамматическими парадигмами типа *стола, столе, столу* и т. д., *пишеть, пишу, пишешь* и т. д., со всеми их особенностями произношения в той или иной дистрибуции, в той или иной фразовой позиции, со всеми их значениями, атрибутивными, номинативными, пейоративными, экстенциональными и другими признаками, выявленными наукой, а есть редуцированные, компрессированные «следы» этих единиц и «следы» типизированных схем возможных в речи грамматических, фонетических, лексических и других парадигм плюс способность мозга «вызывать» из памяти эти «следы» и образовывать с помощью органов речевого аппарата соответствующие единицы и фигуры речи. Ср.: «Отсутствие у языкового знака свойства непрерывного пространственно-временного существования создает большие удобства для его „хранения“. Мы храним не сам чувственно осязаемый материальный знак, а хра-

ним в своей памяти обобщенный идеальный образ знака, а также умение и навык в нужный момент „сделать“ этот знак. Иначе говоря, мы храним не сами реальные знаки, а их абстрактную форму, знание о них» [24, с. 17].

В то же время огромное количество единиц и фигур речи зафиксировано вообще «в стороне» от мозга носителей языка — в виде «мертвых слепков» письменности [25] или акустических способов звукозаписи. Но именно эти мертвые «слепки», находящиеся вне мозга людей и имеющие иную физическую субстанцию, нежели звуки живой речи, могут служить (и служат) одним из главных предметов изучения лингвистов, исследующих природу языка. Постоянно обогащаясь в условиях интенсивного развития общественной жизни, науки и техники, особенно в течение последнего тысячелетия, естественные языки разрослись до необъятных размеров и имеют такое огромное число единиц и фигур речи, что даже все носители языка в совокупности уже не в состоянии хранить в памяти все «следы». Нередко многие единицы и фигуры речи люди могут «извлечь» из памяти лишь с помощью этих мертвых «слепков», «рисунков» речи, хранящихся в виде письменных памятников (словарей, справочников, научной, деловой, художественной и др. литературы), записей звучащей речи на магнитных лентах, звуковидеозаписей на кинолентах и т. п. Из этих же источников в большом объеме черпает языковой материал даже теоретическое языкознание, лексикография и т. д. [26]. Ср.: «Социальная память — это... процесс фиксации..., систематизации и хранения (вне индивидуальных человеческих голов) теоретически обобщенного коллективного опыта человечества... Хранящиеся в книгах и других средствах социальной памяти сведения тем или иным путем выдаются для „переписывания“ в память индивидов и, следовательно, для использования людьми в их разнообразной деятельности» [27, с. 44—45].

Изложенное снимает, как представляется, вопрос о том, сохраняется ли связь мышления с языком, существующим вне мозга его носителей. Во взаимосвязи с мышлением находится каждый отдельный фрагмент языка — однократные речевые акты, в процессе создания которых взаимодействуют «следы» памяти и работа мысли, ср.: «...язык, мышление и действие развиваются в сложной взаимосвязи... Как указывает Выготский, отношение мысли к слову не вещь, а процесс, непрекращающееся движение от мысли к слову и от слова к мысли» [28]. В итоге это взаимодействие порождает и язык в целом. Анализируя выборку актов речи той или иной длины, лингвисты строят научную абстракцию, более или менее тождественную объекту изучения, описывают в этой абстракции все его субстанции, свойства, отношения и опосредования, в том числе характер взаимодействия мысли с единицами и фигурами речи, и это также подтверждает, что никакого отрыва языка от мышления не происходит: «Нельзя забывать того, что занимаясь „языком“, мы лишь обобщаем частные случаи „речи“, которые только и даны нам в опыте» [29, с. 58]. Соответственно снимается, на наш взгляд, и положение о том, что, не имея связи с мышлением, язык не мог бы выполнять отражательную функцию. Правда, здесь мы имеем дело с энтимемой — наличие отражательной функции языка и его связи с объективным миром тоже требует доказательства. В этом отношении одной из наиболее убедительных является, на наш взгляд, точка зрения, согласно которой «...язык представляет собой не процесс отражения, а процесс формирования и выражения отражательного процесса, каким является мышление» [30].

Надо сказать, что разрабатываемое нами направление уже имело аналог в науке, но не получило должного признания и подверглось критике.

Ср.: «...в последний период в советском языкознании язык и речь начинают трактовать как проявление диалектических категорий соответственно общего и отдельного, так как язык якобы существует лишь в речи и через речь, подобно тому, как „общее существует лишь в отдельном через отдельное“. Однако подобная трактовка не кажется достаточно убедительной. В самом деле, ведь язык как система за код и р о в а н в м о з г у ч е л о в е к а и, следовательно, в этой форме существует вне речи, вне речевых произведений. По-видимому, по той же причине было бы неправильно определять соотношение языка и речи как сущности и явления (эта точка зрения в последнее время также высказывается). Сущность не имеет особого от явления бытия, а язык, как уже говорилось, существует и вне речи. К тому же речь, в отличие от языка, имеет свои особые сущностные характеристики. Достаточно сказать, что конкретное содержание речевых произведений (словосочетания, предложения и др.) не есть механическая сумма значений языковых единиц, используемых для их построения, и это содержание речевых произведений не является принадлежностью языка» (разрядка везде наша.— М. Е.) [31].

Можно согласиться с автором, что язык за код и р о в а н в м о з г у человека и что в этой форме он существует вне речи, вне речевых произведений. Но является ли за код и р о в а н н а я ф о р м а я з ы к а тем языком, который служит средством общения? В предыдущем изложении мы пытались показать, что такая форма языка — не средство общения, а я з ы к о в а я п а м я т ь, средство, которое совокупно с работой мысли и органов речи создает язык. Иными словами, языковая память по отношению к языку общения — это, так сказать, «средство средства».

Может ли язык, не обладающий речевыми произведениями с немеханической суммой значений своих единиц, быть средством общения? Вряд ли, ибо он должен быть вначале подвергнут трансформации, которая позволила бы сформировать единицы общения, содержащие связное, логически последовательное содержание, которое может быть понятным адресату. В результате мы возвращаемся к мысли, что закодированный в мозгу язык — это языковая память, т. е. способность нервной системы человека к восприятию и длительному хранению компрессированных, типизированных «следов» речевых единиц и фигур и многократному воспроизведению и вводу их в сферу сознания и поведения.

Конечно, в мозгу человека содержится самое главное из того, что необходимо для возникновения и функционирования языка, для его продуцирования и восприятия, то главное, без чего язык вообще не может существовать. Но это главное, все-таки, не сам язык, а те компоненты, из которых язык образуется, компоненты, располагающиеся даже в пределах мозга, возможно, в разных позициях. Так, правое полушарие обладает способностью «...целостно, в комплексе воспринимать предметы и явления, с одновременной и даже мгновенной обработкой многих, если не всех их параметров... Левополушарное мышление... из всех бесчисленных связей между предметами и явлениями... активно выбирает только некоторые, наиболее существенные для данной конкретной задачи» [32]. Эти сведения дают основания полагать, что компоненты речевой потенции, локализованные дискретно в разных участках головного мозга, не могут представлять собой готовой языковой системы: «...система языка с его категориями (т. е. язык), создаваемая на основе бесконечного числа актов речи членов человеческого общества» [33], воспроизводится, изменяется, существует в самом процессе продуцирования этого неисчислимого

множества актов речи; в самом функционировании этих актов заключается непрерывное/прерывное бытие языка.

С вопросом о локализации языка тесно связан вопрос — «где же об- ласть значения слова — внутри слова или вне его?» [34, с. 82]. По этому поводу некоторые авторы отмечают: «Идеальная сторона языковых еди- ниц также не может существовать вне мозга человека, продуктом кото- рого она является. . . Проблема понимания в процессе общения возникает именно потому, что слушающий воспринимает не мысль своего собеседника как таковую, а лишь материальную, знаковую сторону языковых единиц, которая вызывает у него мысль, приближающуюся по своему содержанию к мысли говорящего в той степени, в какой у обоих собеседников оказыва- ются общими те языковые значения, которые закреплены у каждого из них за материальной стороной языковых единиц, посредством которых вы- ражается соответствующая мысль» [21, с. 97]. Ср. также: «То, на что ука- зывает знак (в данном случае — значение), должно находиться вне знака. Именно так и обстоит дело в действительности: значение как факт созна- ния, как функция мозга может „находиться“ только в головах людей. Знак же как материальный предмет всегда находится вне человека. . . Если же включить понимаемое таким образом значение в знак, то следует признать, что знак указывает на самого себя или что одна часть знака указывает на другую, а это абсурдно» [24, с. 19].

Обращается также внимание на то, что «новое понятие получает зву- ковой комплекс, который в обществе конвенционально закрепляется за этим понятием и приобретает способность возбуждать данное понятие в голове слушающего. Значение здесь выполняет указательную функцию. Оно только соотносит звуковой комплекс с понятием» [22, с. 63]. И далее: «При произношении звукового комплекса в голове слушателя возбуждается понятие, т. е. идеальное» [22, с. 63—64]. «Как бы мы ни анализировали комплекс словесных звуков, мы не обнаружим в нем чего-либо, что можно назвать значением. Значение приобретает предметом или явлением, выступающим в роли знака в связи с его отношением к чему-то, что не является знаком» [22, с. 72].

Нам представляется, что попытки доказать чисто физическую сущность единиц речи или, напротив, абсолютную включенность значения в их состав являются неоправданными крайностями. В момент первичного образования языковой единицы «закрепленность» значения за звуковым комплексом весьма неустойчива, вследствие чего человек вынужден не- которое время мысленно соотносить звуковой комплекс с тем предметом (явлением, событием и т. д.), который этим звуковым комплексом репре- зентруется; в этот период звуковой комплекс еще не несет (не со- держит) в себе значения и является физическим «предметом», при помощи которого адресант пытается вызвать в мозгу адресата значение, аналогич- ное значению, возникшему у него самого в голове, ср.: «Устная речь на первоначальном этапе своего формирования, вероятно, выполняла лишь функцию побуждения к действию» [35]. С течением времени звуковой ком- плекс после сотен и тысяч повторений с целью передачи одного и того же значения становится «носителем» этого значения, ср.: «. . . на последу- ющих этапах в речи дифференцировалось обозначение действия и обозна- чение предметов» [35], и адресат начинает воспринимать это значение как непосредственно присущее физической единице речи, не обязательно со- относя его с тем предметом (явлением и т. д.), который этим «носителем» (звуковым комплексом) репрезентруется. В этот период звуковой ком- плекс у же не с е т (содержит) в себе значение, т. е. единицы и фигуры

речи и заключенное в них содержание получают относительно самостоятельное существование. Процесс «закрепления» значения за звуковым комплексом не прекращается и впоследствии, протекает постоянно, хотя и в разной степени интенсивности: в период становления или изменения слова — в большей степени, а в период относительной стабильности — в меньшей.

С целью подтверждения нашей гипотезы обратимся к аналогии. В. И. Ленин отмечает: «Практическая деятельность человека миллиарды раз должна была приводить сознание человека к повторению разных логических фигур, дабы эти фигуры могли получить значение аксиом» [14, с. 172]. Соответственно можно предположить, что и языковые фигуры, повторенные миллиарды раз, могли «слиться» с теми значениями, которые они должны были миллиарды раз передавать в процессе общения. В рамках этой аналогии постулат, согласно которому в комплексе словесных звуков значение обнаружить невозможно, не убеждает, ибо вряд ли следует ставить существование какого-либо «нечто» в зависимость от того, можем ли мы это «нечто» обнаружить. Мы не можем непосредственно органами чувств воспринимать материальные частицы микромира, однако их существование не только предсказано силою мышления, но и доказано экспериментально. А человек, который никогда не видел чего-то, но слышал о нем, понимает слово (словосочетание, предложение и т. д.), обозначающее то, о чем он слышал.

Проведем еще одну аналогию. К. Маркс пишет: «Приравнивая свои различные продукты при обмене один к другому как стоимости, люди приравнивают свои различные виды труда один к другому как человеческий труд. Они не сознают этого, но они это делают. Таким образом, у стоимости не написано на лбу, что она такое. Более того: стоимость превращает каждый продукт труда в общественный иероглиф. Впоследствии люди стараются разгадать смысл этого иероглифа, проникнуть в тайну своего собственного общественного продукта, потому что определение предметов потребления как стоимостей есть общественный продукт людей не в меньшей степени, чем, например, язык» [36, с. 84]. К. Маркс с помощью аналогии показывает, что подобно языку, явлению социальному, определение предметов потребления как стоимостей тоже является общественным продуктом людей. Однако нас в данном случае интересует другая, возможная, по нашему мнению, аналогия: как у стоимости не написано на лбу, что она такое, так и значение единицы речи не имеет сигнальных лампочек, по которым его можно было бы без особых усилий обнаружить. И здесь впоследствии люди пытаются проникнуть в смысл своего собственного общественного продукта — единиц и фигур речи, внутри которых имеются тайны содержания не только современного их состояния, но хранятся также глубоко сокрытыми следы значений, канувших в небытие давних эпох, ср.: *опростоволоситься* «снять с себя головной убор» (ныне — «сделать грубый промах») (ср. [37]).

Таким образом, материальные комплексы звуков речи, не имея никакого отношения к тем предметам и явлениям, которые человек этими комплексами произвольно намеревается называть, со временем становятся материально-идеальными комплексами благодаря активной деятельности сознания, ибо «сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его» [14, с. 194].

Известный советский лингвист А. И. Смирницкий, отметив, что связь между звучанием слова и его значением «в принципе условная, произвольная, не определяемая природой самих звуков и характером значения»

[35, с. 87]¹, приходит тем не менее к выводу, что «... связь между звучанием (звуковым образом) и значением слова является столь тесной и прочной, столь важной для самого существования и полноценного функционирования слова, что ее никак нельзя рассматривать как связь между чем-то, входящим в состав самого слова, и чем-то вне его. Если исключить значение из структуры, из состава слова, то внешней делается (по отношению к слову) и та „вторая“ связь между реальным звучанием слова и звуковым образом слова, которая идет через значение. Между тем без понимания этой „второй“ связи оказывается непонятным и то специфическое, что мы наблюдаем в отношении между реальным звучанием и его психическим отображением — звуковым образом слова. Наконец, принцип условности связи звучания и значения особенно настоятельно требует неразрывного объединения того и другого в самом составе слова» [34, с. 88—89]. В результате анализа тех языковых и неязыковых явлений, которые не входят в состав значения слова, и тех, которые образуют его состав, А. И. Смирницкий сформулировал следующее определение: «... значение слова есть известное отображение предмета, явления или отношения в сознании (или аналогичное по своему характеру психическое образование, конструированное из отображений отдельных элементов действительности), входящее в структуру слова (разрядка наша. — М. Е.) в качестве так называемой внутренней его стороны, по отношению к которой звучание слова выступает как материальная оболочка, необходимая не только для выражения значения и для сообщения его другим людям, но и для его возникновения, формирования, существования и развития» [34, с. 89]. Заклучая в себе значения, стабильные, как правило, единицы и фигуры языка, с одной стороны, постоянно подвергаются инновациям благодаря отражению сознанием объективной реальности, «развитию структуры мысли» [38, с. 4—6], работе органов речи, языковой интерференции и др.; с другой стороны, «любые инновации узакониваются только в том случае, если они не противоречат традиции, не нарушают естественно-исторического языкового уклада» [39]. Вследствие таких противоречий значения единиц и фигур речи всегда или почти всегда не имеют абсолютного соответствия той информации, которая подлежит передаче, причем это несоответствие возникает не только в голове слушающего, но и (в большей или меньшей степени) в голове говорящего в момент «заполнения» фигур речи вербальной информацией с помощью «лингвокреативного мышления» [22, с. 106—109]. Это «заполнение» никогда или почти никогда не исчерпывает полностью содержания мыслительной информации индивидуума [ср.: «Количественному росту словаря языка сопутствуют качественные сдвиги во всей лексике, а это выражается в увеличении способности слов ко все более точной передаче мыслей и чувств людей (разрядка наша. — М. Е.), говорящих на этом языке»] [38, с. 131], ибо в результате мыслительной деятельности происходит «слияние» богатого содержания языковой памяти с богатейшим содержанием отраженного «кусочка» объективного мира, и язык, несмотря на феноменальную способность его единиц к обобщению, не в состоянии одновременно вместить весь этот колоссальный информационный арсенал. Кроме того, в момент продуцирования язык становится (уже есть) омертвленной «копией», схемой, слепком той действительности мира, кусочек

¹ Следует уточнить: в данном суждении не отражен тот факт, что тысячи лексем в любом развитом языке имеют форму не конвенциональную, а примарно мотивированную (звукоподражание, идеофоника и др.). В этих случаях содержание и форма переходят друг в друга.

которой он призван репрезентировать. При этом и сама мысль во всем ее богатстве, как известно, тоже неполно и, следовательно, не совсем точно отражает реальный мир («познание есть вечное, бесконечное приближение мышления к объекту» [14, с. 177]) во всем его разнообразии, всей совокупности глубинных связей, отношений, сущностей, явлений в их непрерывном движении (ср.: «Мы не можем представить, выразить, смерить, изобразить движения, не прервав непрерывного, не упростив, углубив, не разделив, не омертвив живого. Изображение движения мыслью есть всегда огрубление, омертвление, — и не только мыслью, но и ощущением, и не только движения, но и всякого понятия» [14, с. 233]).

Различие между языком и речью было предметом рассмотрения еще в начале XIX в. «Я намереваюсь исследовать функционирование языка в его широчайшем объеме — не просто в его отношении к речи и к ее непосредственному продукту, набору лексических элементов, но и в его отношении к деятельности мышления и чувственного восприятия», — писал В. фон Гумбольдт [6, с. 75]. Многие лингвисты XIX в. специально останавливались на нем — Г. Штейнталь, А. А. Потебня, Ф. Ф. Фортунатов и др. Наиболее четко разделение языка и речи провел Ф. де Соссюр: «Разделяя язык и речь, мы тем самым отделяем: 1) социальное от индивидуального; 2) существенное от побочного и более или менее случайного» [10, с. 52]. «Язык существует в коллективе как совокупность впечатлений, имеющихся у каждого в голове. . . В речи нет ничего коллективного: проявления ее индивидуальны и мгновенны» [10, с. 57]. Но формулы «коллектив ↔ ↔ язык» (нечто социальное и существенное) и «индивидуум ↔ речь» (нечто единичное и побочное) не могли удовлетворить лингвистов последующих поколений. Л. В. Щерба выделил три аспекта языковых явлений: «В дальнейшем я буду называть процессы говорения и понимания „речевой деятельностью“» [29, с. 24]; «. . . на основании всех (в теории) актов говорения и понимания, имевших место в определенную эпоху жизни той или иной общественной группы. . . , создавались словари и грамматики языков, которые могли бы называться просто „языками“, но которые мы будем называть „языковыми системами“ . . . , оставляя за словом „язык“ его общее значение» [29, с. 25]; «все языковые величины. . . в непосредственном опыте. . . нам вовсе не даны, а могут выводиться нами лишь из процессов говорения и понимания, которые я называю в такой их функции „языковым материалом“» [29, с. 26]. Л. В. Щерба внес весьма важную поправку в понимание социального/индивидуального в языковых явлениях: индивидуальная речевая деятельность обоснована и обусловлена социальным языковым материалом и реальной общественной жизнью носителей данного языка.

Идея о социальности языка и речи еще более определенно высказана Т. П. Ломтевым: «И язык, и речь имеют общественную, социальную природу. Но в акте общения социальная природа языка принимает форму индивидуальной речи. Язык в акте общения не существует иначе, как в форме индивидуального говорения. . . Язык социален по своей природе; индивидуальная форма проявления социальной природы языка свидетельствует, что и индивидуальная форма по своей сущности также социальна. Индивидуальное не противоположно социальному, оно является только формой бытия социального» [19, с. 58]. Точка зрения Т. П. Ломтева представляется правильной, но, к сожалению, она не получила общего признания, и мы вновь находим утверждение, восходящее к воззрениям Ф. де Соссюра: «Речь относится к языку как частное и индивидуальное явление к явлению общему и социальному»

[40]. В этой связи необходимо подчеркнуть, что язык существует для индивида лишь в том случае, если он существует для общества. Социальная природа языка является первичной, индивидуальная форма бытия языка вторична. Язык — практическое сознание — с самого начала возникновения является общественным продуктом и остается таковым, пока существует общество.

Поскольку в рамках корреляции «язык — речь» социальная природа языка не оспаривается, остановимся на соответствующем качестве речи. Речь социальна как средство общения. Дело в том, что речь определяется как «закономерное соединение определенного звучания, производимого органами речи. . . , с определенным смысловым содержанием (значением)» [41, с. 6], а акт речи — «отдельный отрезок речи, имеющий в данных условиях определенную целевую направленность как некоторое законченное целое» [41, с. 6]. При этом «. . . само. . . по себе, вне соединения со значением, никакое звучание, даже если оно и имеет характер речевого звучания. . . , не является речью или каким-либо ее отрезком» [41, с. 6]. Кроме того, значение может восприниматься адресатом лишь в том случае, если оно коррелирует с тождественными по семантике «отпечатками» единиц речи в языковой памяти. Отсюда следует, что в речи индивида, понятной для адресата, нет и не должно быть ничего существенно индивидуального, что противоречило бы исторически сложившимся закономерностям данного языка. Появление существенно индивидуального в малой степени ведет к затруднению понимания, в большей степени — к полному непониманию.

Речь социальна и с точки зрения отражения реальной действительности. «Производство идей, представлений, сознания первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни. Образование представлений, мышление, духовное общение людей являются здесь еще непосредственным порождением материального отношения людей. То же самое относится к духовному производству, как оно проявляется в языке политики, законов, морали, религии, метафизики и т. д. того или другого народа. Люди являются производителями своих представлений, идей и т. д., — но речь идет о действительных, действующих людях, обусловленных определенным развитием из производительных сил и — соответствующим этому развитию — общением, вплоть до его отдаленнейших форм» [12, с. 24—25]. В сознании человека, связанного с другими людьми определенными социальными отношениями, неизбежно возникают идеи, так или иначе связанные с жизнью и отношениями людей в обществе. Эти идеи должны получать свое выражение в актах речи, ибо «ни мысли, ни язык не образуют сами по себе особого царства», они — «только проявления действительной жизни» [12, с. 449]; ср. также: «Индивидуальное бытие и сознание, взгляды и поступки отдельного человека, разумеется, в конце концов определяются первичными для индивида исторически-конкретными общественным бытием и общественным сознанием» [27, с. 124].

В данной статье весьма сжато, подчас в тезисной форме высказан ряд идей относительно сущности естественного языка. Этого, конечно, недостаточно, чтобы разработать и обосновать оригинальное определение языка. Необходим анализ (в рамках избранной концепции) еще ряда вопросов: конститутивных функций языка, его многоаспектности, глоттонических процессов, многообразия языков и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Платон. Соч.: В 3-х т. Т. 2. М., 1970. С. 392.
2. Аристотель. Об истолковании // Античные теории языка и стиля. М.—Л., 1936. С. 60.
3. Витрувий. Об архитектуре // Античные теории языка и стиля. М.—Л., 1936. С. 74.
4. Дионисий Фракийец. Предложение, «речь» // Античные теории языка и стиля. М.—Л., 1936. С. 117.
5. Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 7. М.—Л., 1952.
6. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С. 70.
7. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. М., 1955. С. XV.
8. Фортунатов Ф. Ф. Сравнительное языковедение. Грамматика (склонение). М., 1886—1887. С. 1.
9. Бодуэн де Куртене И. А. Некоторые общие замечания о языковедении и языке. СПб, 1871. С. 37.
10. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977.
11. Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование. 2-е изд. М., 1977.
12. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Соч. 2-е изд. Т. 3.
13. Ленин В. И. О праве наций на самоопределение // Полн. собр. соч. Т. 25. С. 258.
14. Ленин В. И. Философские тетради // Полн. собр. соч. Т. 29.
15. Мыркин В. Я. Некоторые вопросы понятия речи в корреляции: язык и речь // ВЯ. 1970. № 1. С. 102.
16. Звегинцев В. А. Язык и лингвистическая теория. М., 1973. С. 242.
17. Литвин Ф. А. Многозначность слова в языке и речи. М., 1984. С. 29.
18. Звегинцев В. А. Предложение и его отношение к языку и речи. М., 1976. С. 11.
19. Ломтев Т. И. Общее и русское языкознание. М., 1976.
20. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М., 1970. С. 89.
21. Панфилов В. З. Философские проблемы языкознания. М., 1977.
22. Серебренников Б. А. О материалистическом подходе к явлениям языка. М., 1983.
23. Федоров А. И. Причинно-следственные связи в языке // Методологические и философские проблемы языкознания и литературоведения. Новосибирск, 1984. С. 21—22.
24. Солнцев В. М. Языковой знак и его свойства // ВЯ. 1977. № 2.
25. Гельб И. Е. Опыт изучения письма (Основы грамматики). М., 1982.
26. Журавлев В. К. Внешние и внутренние факторы языковой эволюции. М., 1982. С. 76—89.
27. Ребрин В. А. Методологические проблемы социалистического общественного сознания. Новосибирск, 1974.
28. Стоунс Э. Психопедagogика. Психологическая теория и практика обучения. М., 1984. С. 109.
29. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
30. Трофимова Р. П. Ф. Энгельс о взаимосвязи языка и сознания // Развитие Ф. Энгельсом проблем философии и современность. М., 1975. С. 136.
31. Панфилов В. З. Марксизм-ленинизм как философская основа языкознания // ВЯ. 1979. № 4. С. 9.
32. Ротенберг В. Мозг. Стратегия полушарий. // Наука и жизнь. 1984. № 6. С. 55.
33. Юдакин А. П. Билингвизм и проблема связи языка и мышления // Теоретические проблемы социальной лингвистики. М., 1981. С. 229.
34. Смирницкий А. И. Значение слова // ВЯ. 1955. № 2.
35. Колзатов В. А. Социальная память и познание. М., 1984. С. 80.
36. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. I. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 84.
37. Панфилов В. З. Карл Маркс и основные проблемы современного языкознания // ВЯ. 1983. № 5. С. 11.
38. Юдакин А. П. Развитие структуры предложения в связи с развитием структуры мысли. М., 1984.
39. Плахов В. Д. Традиции и общество. Опыт философско-социологического исследования. М., 1982. С. 189—190.
40. Общее языкознание / Под ред. Супруна А. Е. Минск, 1983. С. 143.
41. Смирницкий А. И. Синтаксис английского языка. М., 1957.